

Чтобы поступить в ученики, самым первоочередным делом было добыть приличную мужскую одежду. Если сначала одурачить старика внешним видом и речами, не дав ему разглядеть свою полную кулинарную бездарность, то и шансов на успех будет больше.

Шэнь Цинжань помышлял о том, чтобы стянуть одежду Сюэ Фэйфэна, но, во-первых, она была ему не по размеру, а во-вторых, случись что — будет худо, если кто-нибудь узнает чужие вещи.

Шэнь Цинжань поинтересовался у системы:

«Как думаешь, если я сейчас начну разводить шелкопрядов, еще не поздно?»

Система не имела ни малейшего желания отвечать на столь идиотский вопрос.

«А можно сразу выдать коконы? — фантазировал Шэнь Цинжань. — Я знаю, что бабочки откладывают яйца только после того, как выберутся из коконов. Дай мне готовые коконы, я подожду, пока бабочки вылезут и отложат яйца».

Система: «Выдать яйца?! Да у тебя все твои коварные замыслы на лице написаны!»

Шэнь Цинжань, ожидавший нечто подобное, спокойно заметил:

«Соблюдай вежливость».

Система: «Я не выражалась нецензурно, а просто имела в виду, что могу предоставить только яйца шелкопряда».

До дня рождения оставалось еще десять дней, и Шэнь Цинжань решил для начала сходить к повару на разведку. К этому делу требовалось подготовиться во всеоружии.

Сюэ Фэйфэн выдерживал рыбешек и व्यюнов в чистой воде несколько дней, чтобы из них вышел весь ил, а затем поджарил для Шэнь Цинжаня хрустящую рыбку. Потрошить внутренности он не умел, поэтому при разделке просто опускал нож и отсекал все лишнее, оставляя лишь небольшой средний кусочек с самым нежным мясом. Изначально, осушив целый пруд, он наловил десять цзиней рыбы и креветок, но после такой «обработки» не осталось и двух цзиней.

Замариновав рыбу в соевом соусе, соли, имбире, чесноке и кулинарном вине, он обвалял ее в тапиоковой муке с яйцом и обжарил до золотистой корочки. Снаружи — хрустящая корочка, внутри — нежнейшее мясо, невероятно ароматно и вкусно. Рука у генерала была тяжелая, так что маринад пропитал мясо насквозь.

Сжарив сразу такую охапку, Шэнь Цинжань, разумеется, не смог одолеть все в одиночку и отдал половину тетушке Чжан.

Тетушка Чжан с глубоким сомнением в мироздании уставилась на обрубки рыбы:

— Это ты приготовил или Фэн-цзы?

Сюэ Фэйфэн невозмутимо признался, что стряпал сам.

Шэнь Цинжань кивнул. А что тут не так? Рыбьи головы все равно невкусные, а хвосты слишком жесткие. Сюэ Фэйфэн заранее избавил его от них — заботливее и не придумаешь!

Оба выглядели так, будто это само собой разумеется. Тетушка Чжан часто чувствовала себя

белой вороной рядом с этой парочкой.

Тетушка Чжан вздохнула:

— Если впредь захотите приготовить что-нибудь эдакое, сначала придите и спросите меня, я вас научу.

«Только не приносите сразу готовое блюдо, мое сердце не выдержит такого удара».

Эти слова предназначались непосредственно Сюэ Фэйфэну. Теперь она кое-что поняла: Шэнь Цинжань, если его вовремя урезонить, еще сохранял остатки разума, а вот Сюэ Фэйфэн действовал молча и наповал — он-то и был самым опасным расточителем.

На обратном пути Шэнь Цинжань успокаивал Сюэ Фэйфэна: «Я считаю, ты все сделал правильно. Вот только бродячие кошки и собаки в последнее время стали наведываться к нам слишком часто...»

Проходя мимо двух прудов — один искрился гладью воды, а второй был вычерпан до самого дна, — Шэнь Цинжань, только что хваливший Сюэ Фэйфэна, внезапно осознал, КАКИМ ИМЕННО способом тот ловил рыбу. Его охватили шок и глубокая боль.

А Сюэ Фэйфэн еще и спросил:

— Когда в следующий раз захочешь рыбы? — Он явно вознамерился осушить и второй пруд.

Полакомиться рыбкой, конечно, приятно, но без пруда как он будет запускать мальков?! Шэнь Цинжань спешно остановил Сюэ Фэйфэна, изо всех сил замотал головой и силой вывел на его ладони два слова: «Наелся, надоело».

Сделав вид, что подошел к уцелевшему пруду ополоснуть руки, Шэнь Цинжань за спиной Сюэ Фэйфэна выпустил в воду по сотне мальков радужной форели и лосося. Когда температура воды опускалась ниже определенной отметки, рыба переставала кормиться и расти, так что запустить мальков сейчас или ранней весной — разница была невелика.

Первым делом Шэнь Цинжань выпустил холоднолюбивые виды, совершенно не задумываясь о том, не передерутся ли они между собой. В худшем случае, когда потеплеет, он просто начнет все сначала. Вдобавок, исключительно из личных предпочтений, он забросил в пруд еще и пятьдесят пресноводных раков.

Система: «Не хотите ознакомиться с «Руководством по многоярусному экономичному разведению пресноводной рыбы»? Всего двести баллов».

Шэнь Цинжань мгновенно раскусил ее:

«Опять заманиваешь меня в крестьянскую кабалу».

За разведение животных баллы давали мизерные — всего один балл за штуку, да и те можно было получить лишь после того, как они выживут и дадут потомство.

Система снова напомнила: «Выращиваемых животных нельзя употреблять в пищу до того, как они успешно размножатся».

«Знаю я», — уныло буркнул Шэнь Цинжань. Он сейчас занимался разведением абсолютно вслепую, надеясь на авось: а вдруг раки уже завтра успешно размножатся, и через десять дней

окажутся на столе у Сюэ Фэйфэна?

Прежде чем закрыть окно системы, он заметил на главной странице главный хит сегодняшней рекомендации — батат.

Батат был неприхотлив в посадке: достаточно срезать стебель с листьями и воткнуть в землю. На первых порах нужно лишь часто поливать, пока не укоренится, а дальше особых хлопот он не требовал. Батат любил песчаную почву и был неприхотлив к земле. Родом он был из заморских стран, и в эту эпоху его еще не завезли.

Рассада батата, предоставляемая Селекционной станцией, давала урожайность шесть тысяч килограммов с му — это уже был современный «король батата» с высочайшей урожайностью.

Селекционная цель: урожайность семь тысяч килограммов с му.

Награда за достижение: десять тысяч баллов.

Шэнь Цинжань соблазнился. Батат, будучи важнейшей крахмалосодержащей продовольственной культурой, долго хранился, давал великолепный урожай, да и его листья были вполне съедобны. Если продвигать его в древности, он наверняка станет мощным оружием против голода.

Но...

«Я же не дурак. Условия для выращивания тут никакие, даже базовая урожайность под большим вопросом. Эта награда баллами — просто замануха для красоты?»

Система: «Нет, это дополнительная бонусная награда. Если среди посаженного вами батата хотя бы у одного куста произойдет полезная мутация, и после отправки образцов в современность и последующих испытаний его урожайность достигнет семи тысяч килограммов с му, задача будет считаться выполненной. Событие маловероятное, но чем больше вы посадите, тем выше шанс».

Шэнь Цинжань вспомнил скупой обменный курс системы: один му риса равен сотне баллов, на которые можно выменять разве что серп — и внезапно все понял. Название «Селекционная станция» было дано не просто так. Помимо улучшения жизни хозяина, ее конечной целью была именно селекция.

Даже если он засадит рисом сотню му, но все растения будут самыми обычными и не проявят более ценных качеств, для Селекционной станции это равносильно нулевому результату. Генные мутации происходят часто, а вот полезные и способные устойчиво передаваться по наследству — крайне редко. Но уж если повезет — считай, ты избранник небес, и баллы повалят как из рога изобилия.

Все равно все упирается в везение.

Система: «Рекомендуемое сегодня растение довольно специфическое. Пропустите — придется ждать еще полгода. Настоятельно рекомендуем немедленно заняться земледелием».

«Да у вас тут настоящий агрессивный маркетинг!»

Шэнь Цинжань сдался:

«Ладно, посажу».

Кто знает, что будет через полгода? Шэнь Цинжань даже мизинцем на ноге понимал, что упускать батат нельзя.

Для вида проводив Сюэ Фэйфэна домой, он сделал вид, что ему прижало в нужник, с минуту помозолил глаза, а затем помчался на дальний склон горы и велел системе выгрузить рассаду батата.

На пустом месте перед ним мгновенно выросла куча рассады батата высотой с человека. Шэнь Цинжань вскопал землю вокруг, будто только что надергал этих побегов отсюда, затем сгреб в охапку часть рассады, напустил на лицо нужную мимику и приготовился разыграть спектакль.

Всю дорогу он накручивал себя, и, переступив порог дома и увидав Сюэ Фэйфэна, с волнением схватил его за руку. В превеликом восторге он принялся объяснять, что только что нашел на горе настоящее сокровище.

«Эта штука съедобна, и месяца через четыре на ней вырастут невероятно ароматные и сладкие плоды! Достаточно просто воткнуть побеги в землю, и они приживутся. Давай засадим ими му так два!» — иероглифы под пальцами Шэнь Цинжаня буквально плясали от возбуждения. Для пущей убедительности он добавил: «Я в детстве пробовал это у двоюродного брата, безумно вкусно! Я за раз могу съесть цзиня три!»

Увидев, что привередливый в еде Шэнь Цинжань редкий раз проявил такой интерес к пище, Сюэ Фэйфэн решил, что эта неприглядная на вид штука и впрямь хороша.

— Раз нравится — посадим, — ответил Сюэ Фэйфэн.

Сюэ Фэйфэн отправился вслед за Шэнь Цинжанем на гору. Увидев выраставшую словно из-под земли огромную кучу рассады и обскобленную кругом землю, он немного удивился, а потом не удержался от смешка.

Насколько же вкусен этот так называемый «батат», если заставил обычно ленивую Шэнь Цинжань уподобиться скарредному помещику и ободрать землю чуть ли не дочиста?

Сюэ Фэйфэн снял заплечную корзину, уложил в нее побеги, взвалил на спину и понес на поле, где рос сахарный тростник. Шэнь Цинжань, идя следом, сгорал от беспокойства и то и дело порывался заставить Сюэ Фэйфэна свалить ношу и дать нести самому.

Но разве смел Сюэ Фэйфэн позволить нежным плечам Шэнь Цинжаня тащить такую тяжесть? Пройдет пару шагов — и сдерет кожу до крови.

Шэнь Цинжань сам прижал к груди огромную охапку. Сюэ Фэйфэну пришлось бы сходить туда-обратно несколько раз, и одна мысль об этом заставляла сердце Шэнь Цинжаня сжиматься от жалости. Кабы не необходимость придумать правдоподобное происхождение рассады, он бы велел системе выгрузить все прямо на поле.

В итоге они сходили шесть раз. Боясь, как бы Сюэ Фэйфэн не споткнулся, Шэнь Цинжань сновал вместе с ним взад-вперед, каждый раз держа в руках здоровенную охапку. Переходя через канавы с заслоненным рассадой обзором, он сам едва видел дорогу, так что Сюэ Фэйфэну еще и приходилось его поддерживать.

К счастью, когда Чан Мин с людьми убирал сахарный тростник, они выкопали и выбросили

пеньки, разрыхлили землю и выпололи сорняки, вернуть полю аккуратные грядки и борозды, что весьма облегчало дальнейшую обработку.

Почва была влажной, так что Шэнь Цинжаню нужно было всего лишь нагнуться и втыкать рассаду батата в землю — дело нехитрое.

Но этот шаг он должен был выполнить строго сам: помощи ему Сюэ Фэйфэн — работа пошла бы насмарку.

Шэнь Цинжань потянул Сюэ Фэйфэна за рукав и тонкой веточкой вывел на земле: «Я сам».

— Ты одна и до темноты не справишься. Я помогу тебе, будь послушной.

Разве мог Шэнь Цинжань позволить хромоте выполнять тяжелую работу на поле? «Просто сиди и смотри на меня».

Сюэ Фэйфэн нахмурился, собираясь выложить карты на стол и признаться, что он уже вполне способен немного ходить.

«Я что, совсем бесполезный?» — Шэнь Цинжань уставился на него с глубочайшей печалью во взгляде, пуская в ход свой главный козырь. — «Думаешь, я даже с этим не справлюсь? Тогда мне лучше...»

— Не смей больше говорить, что ты бесполезная! — строго оборвал его Сюэ Фэйфэн.

Дни, когда приходилось притворяться хромым, явно были далеки от завершения. Сюэ Фэйфэну ничего не оставалось, кроме как беспомощно отсест в сторону и наблюдать, как Шэнь Цинжань занимается земледелием.

А на самом деле Шэнь Цинжань и впрямь был совершенно неспособен к труду: посадив всего две сотни побегов батата, он уже не мог разогнуть спину. На глазах у Сюэ Фэйфэна он даже не смел протянуть руку и размять поясницу, поэтому оставалось только сцепить зубы и держаться изо всех сил.

Спустя два часа Шэнь Цинжань в полном отчаянии уселся на землю, тяжело дыша.

Поле было вскопано, Сюэ Фэйфэн раскладывал рассаду буквально на каждый квадратный метр, так что вся работа Шэнь Цинжаня сводилась к банальному «взял — воткнул». И даже этого он выдержать не мог. Ему было страшно представить, каков объем работы у обычных крестьян от начала и до конца.

Сюэ Фэйфэну становилось все больше на него смотреть:

— Хватит сажать. Продолжим завтра.

«Завтра эта рассада просто исчезнет, вот это будет настоящая страшилка!» Шэнь Цинжань слабо отверг предложение Сюэ Фэйфэна.

«Поднимите меня, я еще могу сажать!»

Сюэ Фэйфэну пришлось снова взять заплечную корзину и подавать Шэнь Цинжаню по одному побегу. К концу работы у Шэнь Цинжаня так ломило поясницу и бока, что ему хотелось сажать уже ползком.

Когда они закончили, уже стемнело. Шэнь Цинжань был совершенно обессилен, но мысли его витали где-то в облаках. Указав на один му недорубленного сахарного тростника, он дерзко предложил посадить батат еще и в подножие тростника — ведь пространство для их роста не пересекалось!

Сюэ Фэйфэн с мрачным лицом уволок Шэнь Цинжаня домой.

На следующий день Шэнь Цинжань не смог подняться с кровати.

На третий день он все еще был парализован ломотой.

На четвертый день вся деревня знала, что Шэнь Цинжань засадила два му земли сорняками и уработалась до полусмерти.

В конце концов, даже самые бывалые старики в деревне отродясь не видывали батата, так что в их глазах это была обыкновенная сорная трава.

Приближалась весенняя вспашка, а Шэнь Цинжань не сеял ни бобов, ни риса, отдав столь хорошую землю под сорняки. В последнее время эта история стала главным анекдотом во всей округе.

Шэнь Цинжань: «Они меня не понимают!»

Шэнь Цинжань взялся за кисть и спросил Сюэ Фэйфэна: «Из этого вырастет еда! Ты веришь мне?»

Сюэ Фэйфэн ответил:

— Верю.

Он выглядел так, будто слепо повинуется Шэнь Цинжаню, и поверит даже в то, что на поле вырастет рыба, скажи тот такое.

Шэнь Цинжань с подозрительной миной решил проверить его: «Вообще-то на второй год там еще и рыба вырастет».

В глазах Сюэ Фэйфэна явственно промелькнула тень сомнения — мгновенная, но Шэнь Цинжань успел ее перехватить.

Шэнь Цинжань почувствовал легкое утешение: вот видите, Сюэ Фэйфэн принимает решение верить ему на основе здравого смысла взрослого человека!

Но тут же услышал, как Сюэ Фэйфэн на полном серьезе выговорил:

— Что ж, если вырастет рыба — тоже неплохо.

Шэнь Цинжань: «...» И зло берет, и трогательно до слез.

У рассады батата еще не пробились новые листочки, а старые, принесенные из системы, есть было нельзя. Посему Шэнь Цинжань потратил двести баллов, заработанных на посадке, и обменял их у системы на небольшую горсть ботвы батата.

До чего же эта система скупердяйская!

Шэнь Цинжань пустил в ход все свои кулинарные познания, обжарил эти листья и дал попробовать Сюэ Фэйфэну, дабы доказать, что они истинно съедобны. Земля для деревенского человека — главная опора и надежда, и раз уж ее засадили непонятно чем, Шэнь Цинжань хотел, чтобы Сюэ Фэйфэн был спокоен.

Сюэ Фэйфэн с совершенно бесстрастным лицом отложил палочки.

И про себя вдруг подумал, что деревенские-то были правы.

Отлежавшись пять дней, Шэнь Цинжань со страхом осознал, что времени на обучение кулинарному искусству остается совсем мало.

Пока Сюэ Фэйфэн не видел, он ускользнул к пруду семьи Пань. Оглядевшись и убедившись, что никого нет, он выудил из зарослей сорняков у берега узелок, внутри которого лежало свежесшитое ханьфу лунно-белого цвета.

В прошлый раз, проходя мимо пруда, он слышал, как Пань Юньшань ругал из дома Пань Юньси, жалуясь, что та паршиво сшила одежду и ее неудобно носить.

После того как Сюэ Фэйфэн продержал Пань Юньшаня всю ночь в пруду, тот слёг в постель и превратился в настоящего домашнего тирана. Пока родителей не было дома, он постоянно срывал злость на младшей сестре, осыпая ее бранью.

Пань Юньси, обняв новую одежду, сидела на корточках у пруда и даже плакать громко не смела. Всю одежду, в которой брат ходил в академию, она сшила своими руками, стежок за стежком, и товарищи по учебе даже хвалили ее работу. Но с тех пор как брат упал в воду, он становился все более невыносимым.

Как-никак она была долгожданной главной героиней этой истории, и Шэнь Цинжань не мог на это смотреть. Заметив, что Пань Юньси грамотна, он присел рядом и немного пообщался с ней с помощью записок.

«Женщины удерживают половину неба!»

«Что Пань Юньшань может с тобой сделать? Посмотри на меня: даже деревенские сплетни и слухи ничего не могут со мной поделать. А все потому, что в глубине души я их не боюсь. Будешь сильной — он отступит, будешь слабой — он сядет на шею».

Шэнь Цинжань поддерживал ее: «Я вижу, что эта одежда сшита замечательно. Раз Пань Юньшань не хочет ее брать — продай мне, я заплачу тебе серебром. Будут деньги — появится и уверенность, и ты сможешь выжить, даже если уйдешь из семьи Пань».

Пань Юньси питала естественное доверие к этому человеку, который не раз приходил ей на помощь. Помолчав некоторое время, она кивнула:

— Я больше не буду шить одежду брату. Я... я буду копить деньги для себя.

Шэнь Цинжань щедро расплатился: «В будущем я научу тебя обрабатывать землю».

По просьбе Шэнь Цинжаня Пань Юньси ушла халат под его размер и спрятала у пруда.

Получив одежду, Шэнь Цинжань столкнулся лишь с одной проблемой: у него не было возможности отлучиться из дома надолго так, чтобы не вызвать подозрений.

В этот день Сюэ Фэйфэн предложил пойти на гору за дровами.

Шэнь Цинжань уже видел фехтование Сюэ Фэйфэна: тому и на деревья лазить не требовалось, он мог рубить дрова, просто стоя на месте. Как раз ломая голову над поводом выскочить из дома, Шэнь Цинжань строго-настрого наказывал ему только нарубить дров, а за тасканием охапок дожидаться его, чтобы пойти вместе.

Сюэ Фэйфэн для вида согласился, про себя же решил подняться на какую-нибудь безлюдную вершину и махом нарубить связок пять дров — с его-то боевыми навыками это займет меньше времени, чем горит одна палочка благовоний.

А затем отправиться в лощину к повару Чжану.

Шэнь Цинжань притворно заявил, что собирается полить поле с бататом, так что им в одну сторону.

Шэнь Цинжань надел мужское ханьфу прямо поверх женского платья и, соблюдая предельную осторожность, по дороге никого не встретил.

Дом повара Чжана представлял собой старую кирпичную постройку, окруженную садом из цветов и деревьев, по которому совершенно невозможно было догадаться о статусе хозяина. Внимательно оглядевшись, Шэнь Цинжань заметил, что и перед домом, и за ним, под плетнем и в горшках редкими кустиками росли исключительно орхидеи.

Сотни кустов орхидей, вне зависимости от того, пышно они цвели или увядали (у некоторых даже клубни подгнили), содержались в заботе. Хозяин души не чаял в этих цветах.

Шэнь Цинжань вызвал систему:

«Выдай-ка мне две весенние орхидеи сорта “Тяньи хэ”». (Название переводится как «Небесные одежды»)

Система: «...» Хозяин ничего не знал о сельском хозяйстве, а в таких тонкостях, чтоб его, разбирается лучше всех!

Она попыталась воззвать к разуму Шэнь Цинжана:

«Одно такое растение может сжечь весь мой годовой бюджет».

«Ты же сама говорила, что у тебя есть все что угодно! Ну ладно, а «призрачная орхидея» сгодится? Надо смотреть в будущее с перспективой: если посадить орхидею в ином мире и она мутирует во что-то невиданное, можно будет продать каждый куст за десятки миллионов и обеспечить себе доход. Тогда вам не придется выпрашивать у руководства бюджет на селекцию — перейдете на самокупаемость!»

Система умолкла на целых три минуты. Шэнь Цинжань заподозрил, не отправилась ли она писать отчет начальству.

Спустя некоторое время в руках у Шэнь Цинжана материализовались два темных клубня.

«...»

Оставалось надеяться, что повар Чжан разбирается в предмете.

Шэнь Цинжань постучал в дверь повара Чжана. Старик оказался суровым и вспыльчивым: раздосадованный тем, что его побеспокоили, он выскочил с палкой, собираясь прогнать незваного гостя.

Шэнь Цинжань поспешно выставил перед собой орхидеи, точно оберег. Палка повара Чжана замерла прямо перед клубнями.

Шэнь Цинжань произнес:

— Орхидея благородна и чиста по своей природе, и лишь такой отшельник, как вы, уважаемый господин, способен оценить ее по достоинству. Вашему покорному слуге случайно достались два кустика орхидеи, по слухам — «призрачной». Не согласитесь ли вы, уважаемый мастер, взглянуть на них и распознать?

Повар Чжан смутился, но тут же фыркнул:

— Орхидея есть орхидея, с какой стати делить их на благородные и низшие?

Шэнь Цинжань смиренно принял упрек.

Повар Чжан еще пару раз оглядел клубни и спросил:

— Зачем пришел?

Увидев, что старик сменил гнев на милость, Шэнь Цинжань спешно изложил свое дело. Он наплел с три короба о том, что его молодая жена беременна и очень хочет попробовать блюда, приготовленные руками мужа, так что он просит мастера оказать небольшую услугу и научить его стряпне.

Взгляд повара Чжана устремился вдаль, словно он вспомнил о каких-то давних событиях и человеке из далекого прошлого. Помолчав, он вздохнул:

— Входи.

Заметив пустую клумбу, Шэнь Цинжань первым делом заботливо посадил орхидеи туда, вымыл руки и только после этого вошел в дом.

Повар Чжан молвил:

— Она раньше любила фрикадельки «Нефритовые листья». Вот им я тебя и научу.

Шэнь Цинжаню было совершенно без разницы: что скажут, то и выучит.

Повар Чжан отправил Шэнь Цинжаня драить котел.

В этот момент снаружи снова раздался стук в дверь. Раздраженный повар Чжан пошел открывать.

Шэнь Цинжань не знал, кто пришел и войдет ли этот человек в дом, а потому настороженно спрятался.

Разговора во дворе он разобрать не мог, но повар Чжан, казалось, был немного взволнован. Вскоре они вдвоем вошли на кухню.

— Что сегодня за день такой? Сговорились вы, что ли, стряпать для своих жен, вот и прибежали ко мне в последний момент на поклон!

Шэнь Цинжань подглядывал из укрытия, желая увидеть, кто же этот второй заботливый муж, так же балующий жену.

В полумраке кухни возвышалась статная, величественная фигура. Человек заложил руки за спину с видом властелина мира, но при разговоре с поваром Чжаном держался скромно и сдержанно.

Шэнь Цинжань от ужаса брякнулся на пятую точку.

Твою мать!

А где костыли Сюэ Фэйфэна?!

<http://bllate.org/book/17933/1960835>